

К 2.  
100

1877

801-12  
105

ОЧЕРКЪ  
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭТНОГРАФИИ  
СТРАНЪ,  
ЛЕЖАЩИХЪ МЕЖДУ РОССИЕЮ И ИНДІЕЮ.

М. И. ВЕНЮКОВА.

Къ однимъ изъ самыхъ крупныхъ историческихъ явленій нашего времени принадлежитъ сознательное развитіе и примѣненіе начала народностей (principe des nationalités), въ силу котораго всѣ люди, говорящіе однимъ языкомъ или близко родственными нарѣчіями, исповѣдующіе одну религію и имѣющіе сходный общественный строй, открыто стремятся къ соединенію въ большія политическія группы или государства, въ которыхъ постепенно развивается полное однообразіе бытовыхъ формъ, политическихъ, экономическихъ, общественныхъ и умственныхъ интересовъ, единство литературы и пр. Италія и Германія представляютъ блистательнѣйшіе примѣры тому, насколько подобное стремленіе не отразимо и къ какимъ величавымъ результатамъ приводитъ оно, если въ естественномъ положеніи странъ и въ исторической ихъ подготовкѣ находится довольно условій для осуществленія общенациональныхъ цѣлей. Къ фактамъ ихъ объединенія мы можемъ присоединить факты уступки Италіею Савойи въ пользу Франціи и Англіею Ионическихъ острововъ въ пользу Греціи. Съ другой стороны, во имя того же начала народностей нашъ вѣкъ сталъ вѣкомъ разрушенія значительныхъ политическихъ группъ, въ ко-

14142-0



торных насильственно связаны были национальности разнородныя. Такъ Голландія и Вельгія раздѣлились, не смотря на то, что у обѣихъ было и есть много общихъ интересовъ политическихъ и экономическихъ; такъ Ломбардія и Венеція отпали отъ Австріи, чтобы присоединиться къ Италіи; Эльзасъ и Голштинія отняты нѣмцами у Франціи и Дани, Румынія вышла изъ состава Турціи, и дѣльный рядъ мелкихъ народностей Балканскаго полуострова ждетъ-не-дождется возможности поступить по примѣру Румыніи.

Такимъ образомъ „начало народностей“ сдѣлалось могущественнымъ двигателемъ событій въ области правъ государственнаго и международнаго. Въ Европѣ этотъ принципъ до такой степени вошелъ въ общее сознание не только передовыхъ сословій, но и народныхъ массъ, что на присоединеніе, напримѣръ, къ Италіи южнаго Тироля и Далмаціи или къ Греціи Фессалии и Эпира всѣ смотрятъ лишь какъ на дѣло времени, давно прѣшивъ въ умѣ съ Австріею и Турціею, интересы которыхъ при этомъ не ставятся почти ни во что. Съ другой стороны, Германію упрекаютъ за то, что она захватила сѣверный Шлезвигъ, Лотарингію и Вогезы, гдѣ господствуютъ національности нѣмецкія, а Англію за угнетеніе ирландцевъ, которымъ она отказываетъ въ home-rule. Общественное мнѣніе очевидно стремится къ тому, чтобы народъ, т. е. группа этнографическая, и государство — группа политическая — стали понятіями по возможности тождественными и чтобы ухищренія дипломатіи, которая наврочила изъ картъ нашей части свѣта самыя разноплеменные политическія группы, были наконецъ отнесены въ область прошедшаго, какъ недостойныя болѣе руководить судьбами людей.

Но этотъ могущественный принципъ національностей, столь легко примѣнимый, когда дѣло идетъ о сравнительно-небольшихъ и хорошо очерченныхъ природою странахъ, какъ, напр., Италія, гораздо труднѣе приложимъ къ существующимъ большимъ политическимъ группамъ, какъ Великобританія, Россія, Китай. Невозможно оспаривать, что три народа, русскій, китайскій и англійскій, своимъ господствомъ надъ множествомъ самыхъ разнородныхъ племенъ, принесли имъ и вообще человѣчеству самую большую пользу. Имъ, можно сказать, вызваны къ мирной гражданской жизни такія племена, которыя въ независимомъ состояніи были свирѣпыми варварами и терзали другъ друга или сѣдныя государства. Освободить изъ подъ владычества китайцевъ населеніе Монголіи, или изъ подъ власти Россіи Кавказъ и

Туркестанъ значило бы обречь эти, лишеныя нынѣ политической независимости страны на возвращеніе къ временамъ совершенной дикости и непрерывныхъ междоусобій, со всѣми обычными имъ жестокостями. Очевидно, что подъ „принципомъ національностей“ нужно признать господство еще высшаго начала, именно „начало цивилизаціи“, общечеловѣческаго, космополитическаго развитія людей, и принципъ національностей примѣнять лишь къ тѣмъ случаямъ, когда дѣло идетъ о народахъ, стоящихъ на значительной степени образованія и гражданственности. Национальными же стремленіями расъ ниспаго развитія по необходимости должно жертвовать интересамъ большинства образованнаго человѣчества и, съ этой точки зрѣнія, снисходительно относиться къ тѣмъ, опертымъ на силу, дипломатическимъ комбинаціямъ, которыя въ другихъ случаяхъ возбуждаютъ такое справедливое отвращеніе.

Но оправдывая этимъ путемъ завоеванія, которыя дѣлаютъ народы образованные среди варваровъ, мы не должны забывать, что для самихъ завоевателей далеко не всегда выгодно это подчиненіе дикарей. Конечно, если дѣло идетъ о покореніи, напр. обитателей богатой отъ природы Новой Зеландіи, то народъ-завоеватель ничего кромѣ выгоды въ результатѣ не получаетъ; но другое дѣло, если рѣчь идетъ о какой-нибудь Джунгаріи или Нубіи, владычество надъ которыми ничего, кромѣ заботъ и убытковъ, не приноситъ. Тутъ народъ-завоеватель долженъ много и много подумать прежде, чѣмъ внести оружіе въ среду варваровъ, и только совершенная необходимость и неизбѣжность завоеванія могутъ оправдать начало его. Всего же выгоднѣе для данной образованной націи свалить это бремя на одного изъ соудей, если, разумѣется, географическія и политическія условія допускаютъ это. Такъ, напримѣръ, для Китая было бы выгоднѣе, если бы Монголія принадлежала Россіи, потому что тогда всѣ расходы и хлопоты по управленію этою бѣдною пустынною странною падали бы на послѣднюю, а не на Китай <sup>1)</sup>. Но есть случаи, когда природа либо исторія сдѣлали завоеваніе въ варварской странѣ неизбѣжнымъ; тогда очевидно благоразумная, патріотическая политика требуетъ ограничиться лишь

<sup>1)</sup> Обстоятельство это сознается самими китайцами. Цань-уэнь Ишаню, предъ заключеніемъ Айгунскаго договора, дано было полномочіе уступить Россіи всѣ застѣпныя земли, до Желтой рѣки. Въ этомъ признавались, по заключеніи договора, чиновники Ишанской свиты.

такими приобретениями, которые уже совершенно необходимы для выгоды цивилизованного народа, для обеспечения его мирного развития, и затѣм отклонить отъ себя всякое движение впередъ по странамъ, необъяснимымъ ничемъ, кромѣ заботъ и убытковъ. Въ такомъ положеніи находятся Англія и Россія по отношенію къ верхней Азіи и сосѣднимъ имъ степнымъ мѣстностямъ по обѣ стороны Гиндукуша и сѣвернѣ Гималаа.

Вспрессъ о политическомъ состояніи этихъ странъ въ теченіе послѣднихъ 12—15 лѣтъ выдвинуть ходомъ исторіи на одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ. Политическая географія Белуджистана, Афганистана, Хорасана, Камшира и др. стала предметомъ серьезныхъ трудовъ не только въ Англіи, всегда предвзвѣдливой по отношенію къ своимъ интересамъ, но въ Россіи, въ Германіи и даже въ Америкѣ. Изъ сочиненій, относящихся къ этимъ странамъ и вышедшихъ въ послѣдніе пятнадцать лѣтъ, можно составить порядочную библиотеку, къ сожалѣнію по большей части не русскую<sup>1)</sup>. Наше географическое общество, полагая настоятельную потребность публики имѣть на русскомъ языкѣ возможно обстоятельныя свѣдѣнія объ этихъ мѣстностяхъ и о населеніи ихъ, не только издало, съ дополненіями и поправками гг. Григорьева и Ханькова, два тома извѣстной Риттеровой *Erdkunde von Asien*, относящаяся до Кабулпстана и Ирана, но и взяло на себя осуществить предложенія нижеподписавшагося относительно составленія свода извѣстій о народахъ, живущихъ между Россіею и Индіею (исключительно впрочемъ арийскихъ). Вслѣдствіе этого явилось и лице, пожелавшее заняться разработкой предложенной задачи, именно одинъ изъ преподавателей петербургскаго университета, г. Минаевъ, знакомый съ нѣкоторыми восточными языками. И какъ предложеніе сдѣлано еще въ началѣ 1876 года, то должно думать, что мы скоро увидимъ его осуществленнымъ въ строго-ученой формѣ; до того же времени позволимъ себѣ набросать

<sup>1)</sup> Назовемъ здѣсь авторовъ главныхъ сочиненій и путешественниковъ, въ алфавитномъ порядкѣ: Абрамовъ, Аминовъ, Бекеръ, Белляу, Берзеней, Видольфъ, Вандорфъ, Вамбери, Гайдеръ-шахъ, Гейвардъ, Гельвальдъ, Гольдсмитъ, Гребенкинъ, Григорьевъ, Гордонъ, Дрю, Костенко, Кунъ, Каульбарсъ, Лейтнеръ, Лерхъ, Маевъ, Маркхэмъ, Нанъеръ, Нанъ-Сингъ, Россъ, Раулинсонъ, Селъ-Джонъ, Скайлеръ, Собольевъ, Сперцовъ, Мирза-Сулда, Терпигоревъ, Троттеръ, Форсайдъ, Федченко, Файзъ-Бахшъ, Хоромжинъ, Хюгъ, Шау, Юанъ-Сингъ, Юль. Къ нимъ можно присоединить изъ прежнихъ: Барамъ-Ерга, Борнеса, Валиханова, Вуда, Ковалли, Конингтъма, Криста, Массона, Поттшгера, Страки, Томсона, Фрезера, Ферье, Ханькова и др.

здѣсь краткій очеркъ именно „политической этнографіи“ верхней Азіи, какъ мы для краткости будемъ называть горную страну между низменностями арало-каспійскою и синдо-пенджабскою.

Народы, которые тутъ живутъ, имѣютъ самое разнообразное происхожденіе. Между ними есть и чистые арийцы, какъ персіане, индусы и іеты, и туранцы, какъ узбеки и монголы, киргизы, и семиты, какъ афганцы, евреи, и огромное число смѣшанныхъ расъ, которыхъ не только происхожденіе, но даже современный языкъ мало извѣстенъ, какъ, напр., кяфиръ-сягпучи. Весь этотъ этнографически-пестрый міръ живетъ въ очень разнообразныхъ физико-географическихъ условіяхъ, примѣнительно къ которымъ измѣняются и формы быта, то чисто кочеваго, то вполне осѣдлаго, то составляющаго переходныя между ними ступени. Есть люди, которые, подобно белуджамъ береговъ индійскаго океана, питаются почти исключительно рыбою; есть другіе, какъ памперскіе киргизы, которые живутъ произведеніями стада, мясомъ и молокомъ, и не ѣдятъ хлѣба, есть, напротивъ, такіе, которые, какъ индусы-брангалиты, кормятся только растительною пищею и не ѣдятъ ни мяса, ни молока. Одни ходятъ ноги наги, какъ обитатели Синда, другіе носятъ шубы большую часть года, какъ хезарейцы, дарды, балтистанцы и пр. Нѣкоторые отличаются воинственностью, какъ, напр., афганцы, туркмены, канжутцы; другіе извѣстны своею трусливостью, какъ персіане, евр и, таджики. Одни въ потѣ лица воздѣлываютъ землю, какъ мало-бухарцы, кашмирцы, таджики, другіе считаютъ земледѣліе, да и всякій другой трудъ унизительнымъ и живутъ разбоими, какъ афганцы-вазирь, часть белуджѣвъ, брахуевъ и туркменъ. Есть люди изъ поколѣнія въ поколѣніе занимающіеся торговлею, какъ индусы, разбѣжные по городамъ иранскаго нагорья и части Турана, и есть племена, которыя презираютъ купцовъ за ихъ корыстолюбіе, двоядушіе и склонность къ обманамъ. У однихъ народовъ съ незапамятныхъ временъ существуетъ довольно обширная литература; другіе вовсе не имѣютъ національной письменности и даже при обоюдныхъ сношеніяхъ употребляютъ азбуку и самый языкъ чужихъ племенъ, напр. персидскіе. Властители однихъ ведутъ свои родословныя отъ Ноя, какъ курдскіе ханы; правители другихъ считаютъ себя потомками Александра Македонскаго, какъ падшахъ читральскій, міры ваханскій, дарвазскій и пр. Есть остатки монгольскихъ завоевателей въ лицѣ мон-

возразил Бекеръ. За то у Англіи есть большой флотъ и много денегъ. — „Такъ чтожь? отвѣчалъ ханъ; флотомъ нельзя защищать Индію: она вѣдь не островъ. А что до денегъ, такъ вы уже заплатили ими дань американцамъ“ (подразумѣвается алабамская контрибуція)... Такъ Бекеру и не удалось убѣдить курда, что Англія сильнѣе Россіи. — Число харасанскихъ курдовъ Вларамбергъ полагалъ около 180.000 душъ.

Не касаясь *персіанъ*, составляющихъ массу населенія въ Харасанѣ, замѣтимъ, что, кромѣ ихъ и курдовъ, въ этой провинціи живутъ и другіе народы: *турки*, *аравитяне* и *теймуры*, изъ которыхъ послѣдніе перекочевываютъ въ гератскую область Афганистана и обратно. Аравитяне также держатся восточныхъ частей Харасана, а турки, напротивъ, западной, гдѣ имѣютъ селенія. Всѣ эти племена малочисленны.

Теймуры уже принадлежатъ къ числу чахаръ-аймакскихъ племенъ, которая занимаютъ окрестности Герата и почти весь Гиндукушъ, до Кафиристана и Вадакшана. Племена эти суть сбродныя и нерѣдко составляютъ остатки полчищъ завоевателей, которые проходили по сосѣднимъ странамъ. Такъ именно теймуры получили свое имя отъ того, что предки ихъ были подарены Тимуромъ одному изъ его военачальниковъ, который и водворился около Герата, какъ помѣщикъ-нассаль династіи тимуридовъ, имѣвшей въ лицѣ Шаха-Рока весьма извѣстнаго представителя. Такъ *монголы* на сѣверномъ склонѣ Паропамиза, въ верховьяхъ правыхъ притоковъ Мурхаба, суть остатки монгольскихъ ордъ, точнѣе раненыхъ монгольскихъ ратниковъ, которые тутъ остались со временъ Чингизъ-хана и его преемниковъ. *Фирзузухи*, въ тѣхъ же горахъ по верховьямъ правыхъ притоковъ Мурхаба, суть переселенцы изъ Персіи, именно изъ Фирзуау, въ Мазандеранѣ. *Кичаки*, кочующіе по Кайсару и ниже по Мурхабу, къ сторонѣ мервскихъ текинцевъ, представляютъ соотечественниковъ нашихъ ферганскихъ кичаковъ, которые были заброшены исторіею на югъ. Нѣкогда это племя было могущественно; оно составляло значительную часть полчищъ Ватяя и Тамерлана; оно въ Фергахѣ считалось самымъ воинственнымъ, даже непобѣдимымъ, пока не познакомилось съ русскими пулами изъ винтовокъ Вердана. Примурхабскіе кичаки, повидимому, не имѣютъ такой воинственной репутаціи и притомъ малочисленны. *Джемшиды*, ближайшіе сосѣди Герата съ сѣвера, около Кушка, составляютъ, напротивъ, народъ воинственный,

который имѣетъ вліяніе на судьбу самаго Герата, въ зависимости отъ котораго они находятся. Такъ еще въ 1874 году, когда афганскій эмиръ Ширъ-Али успѣлъ захватить своего матежнаго сына, Якубъ-хана гератскаго, то жена послѣдняго, джемшидна родомъ, собрала старшинъ своего народа и взяла съ нихъ клятву, что они ее съ ея дѣтьми не выдадутъ въ Кабуль, что и исполнялось до самаго выпуска Якубъ-хана изъ тюрьмы въ 1877. Джемшиды по своему происхожденію суть народъ совершенно особенный, который ведетъ свою родословную отъ временъ Авраама и въ этомъ смыслѣ какъ бы составляетъ переходъ къ афганамъ, которымъ приписывается семитическое же происхожденіе. Число ихъ простирается отъ 6 до 12 тысячъ семей, а главныя центры населенія составляютъ Курухъ и Вана-Мурхабъ. Къ юговостоку отъ джемшидовъ, по обѣимъ сторонамъ Герируда, кочуютъ *таймены*, которыхъ главный центръ въ Гурѣ, а общее число достигаетъ, по Тейлору, до 12.000, а по Вларамбергъ даже до 30.000 семействъ. Ихъ родословная и политическія отношенія къ Герату и Кабулу недовольно извѣстны.

Гораздо многочисленнѣе всѣхъ чахаръ-аймакскихъ племенъ другіе горцы Гиндукуша и Паропамиза, *хезарейцы* или хезарѣ. Та часть этого народа, которая живетъ ближе къ Герату, на сѣверовостоку отъ него, носитъ названіе Хезарѣ-Зенднатъ и состоитъ, по Ферье, изъ 28.000 кибитокъ. Эти хезарейцы кочуютъ лѣтомъ въ горахъ, а на зиму спускаются въ долины средняго течения Мурхаба и его притоковъ. Они всѣ повинуются одному сардарю, который считается вассаломъ Герата; его мѣсто-пребываніе есть крѣпость Вило-Нау. Хезарѣ-Зенднатъ говорятъ персидскимъ языкомъ, но по исповѣданію суть фанатическіе суниты и потому нерѣдко враждуютъ съ жителями другихъ окрестностей Герата, непризнающими сунны. Напротивъ, ихъ единоплеменники и сосѣди съ востока суть горячіе шииты, и потому, будучи въ частомъ прикосновеніи къ сунитамъ-афганамъ, относятся къ нимъ очень непріязненно. Хотя они по большей части осѣдлые или полuosѣдлые земледѣльцы, но не допускаютъ въ свою среду афганъ, такъ что Эмиръ кабульскій всегда можетъ считать свои загиндукушскія владѣнія какъ бы отрѣзанными отъ остальнаго государства, ибо стоитъ лишь хезарейцамъ взбунтоваться, чтобы городъ Валхъ съ окрестностями былъ дѣйствительно отрѣзанъ отъ Кабула. Общественное устройство хезарейцевъ-шиитовъ почти то же, что ихъ сунитскихъ собратьевъ, т. е.

граница указана природою какъ бы вдвойнѣ, потому что съ одной стороны она образуетъ рубежъ между степными равнинами и горами, а съ другой, въ большей части случаевъ, отдѣляетъ одинъ народъ отъ другихъ, именно туркменовъ отъ персіянъ, джешидовъ, узбековъ, афганъ и пр. И что бы ни говорили диллетанты-политики, — особенно такіе, которые напр. не знаютъ, что Оксъ и Аму-дарья — одно и то же, или что между Герцоговиною и Адриатическимъ моремъ лежитъ принадлежащая Австріи Далмація, — здѣсь нѣтъ для Россіи другой грани какъ линія, соединяющая юго-восточный уголъ Каспія съ верховьями Окса вдоль по сѣверной подошвѣ Альбурса и Гиндукуша съ ихъ развѣтвленіями. И какъ туркмены и заселенныя ими степи уже достаточно извѣстны русскому обществу, то относительно ихъ мы и ограничимся лишь опредѣленіемъ южнаго предѣла распространения ихъ кочевокъ. На крайнемъ западѣ, у Каспійскаго моря, этотъ предѣлъ совпадаетъ съ низовьями рѣки Кара-су, куда доходятъ кочевья іомудовъ; потомъ граница идетъ по долинѣ Гюргени, гдѣ живутъ по большей части осѣдлые голкены. Съ верховья Гюргени граница Туркменіи поворачиваетъ на сѣверо-востокъ и постепенно огибаетъ съ сѣвера Дерагезскій округъ, населенный курдами. Атрекъ пересѣкается этою частью границы у Биш-кала, крайняя же къ сѣверу точка ея лежитъ на меридіанѣ Абиверда, у сѣверной подошвы Кенетъ-дага. Здѣсь кочуютъ ахаль-текинцы, распространяющіеся на западъ до Кызыль-арвата, а на юго-востокъ до кочевьевъ рода Солоръ. Среди послѣднихъ, по пути изъ Мешхеда въ Мервь и Бухару, находится укрѣпленіе Серахсъ, за которымъ оканчивается граница туркмено-персидская. Какія отношенія существуютъ между сосѣдями на этой границѣ, довольно извѣстно нашей читающей публикѣ если не изъ ученыхъ изысканій Борнеа, Вларамберга и др., то хоть изъ романа „Хаджи Баба“, гдѣ великолѣпно описанъ ужасъ персіянъ при одномъ извѣстїи о приближенїи туркменъ, постоянно ихъ грабящихъ и увозящихъ въ неволю. Далѣе за Сераксомъ, къ востоку, до меридіана Балха, тянется извилистая линія, которой положеніе съ точностію намъ неизвѣстно, по которой служить границею между кочевьями туркменъ Сарыкъ, Солоръ, Черныхъ и Алвели, съ сѣвера и землями чахаръ-аймакскихъ племенъ, а также Майлена, Андхома и Балхомъ съ юга. Вся эта туркмено-афганская граница также открыта для хищническихъ туркменскихъ аламановъ (набѣговъ), и иногда даже сарыки,

солоры, текинцы и пр. вторгаются далеко въ глубь Афганистана, какъ было напр. въ 1874 году, когда одинъ изъ туркменскихъ хановъ, союзникъ Якубъ-хана гератскаго, проширъ до Гиришка, вблизи Кандахара. Общее протяженіе южнотуркменскаго рубежа отъ Каспійскаго моря до Балха можно опредѣлять въ 1200 верстѣ, и какъ наилучшія части заоксускихъ степей лежатъ вдоль его, то и большая часть туркменъ сосредоточена тутъ. Исключеніе составляютъ разнородныя туркмены хивинскіе, эргари, живущіе въ подданствѣ Бухары по долинѣ Аму-дарьи, и наконецъ мервскіе текинцы, столь прославившіеся въ послѣднее время тѣмъ, что англичане вооружали ихъ противу Россіи и старались склонить къ подданству то Персіи, то Афганистану, лишь бы они не попали подъ власть русскихъ. Ихъ то преимущественно имѣли въ виду англо-индійскіе журналы, когда проповѣдывали теорію, что „Индія должна быть защищена съ сѣверо-запада помощью туркменскихъ шаекъ, руководимыхъ искусными офицерами.“ Къ нимъ стремились, но тщетно, — г. г. Вокеръ, Неширъ, Макъ Грегоръ и другіе британскіе военные агенты 1872—76 годовъ.

*Курды*, о которыхъ мы выше упомянули, какъ о сосѣдяхъ ахаль-текинскихъ туркменъ, суть переселенцы съ запада, переведенные на верховья Атрека Шарамъ-Аббасомъ-Великимъ съ спеціальною цѣлю защищать Персію съ сѣверо-востока. Это народъ храбрый, управляемый своими наследственными вождями и почти совершенно осѣдлый. У нихъ есть даже города, какъ Ширванъ, Кабушанъ, Вуджнурдъ и др. Но задачу свою по отношенію къ Персіи они не всегда исполняютъ исправно, потому что являются непріятелями не только туркменъ, но и самихъ персіянъ. Правительство шаха, въ обезпеченіе вѣрности курдскихъ хановъ, держитъ обыкновенно у себя, въ Мешхедѣ или даже въ Тегеранѣ, заложниками ихъ родственниковъ; но это не всегда помогаетъ дѣлу, и связь курдовъ съ персіянами очень слаба. Притомъ они считаютъ Персію, наравнѣ съ Афганистаномъ и Бухарою, государствомъ слабымъ. О Россіи же этотъ народъ самаго высокаго мнѣнія, о чемъ свидѣтельствуешь даже англичанинъ Вокеръ, человекъ враждебный Россіи. Такъ одинъ изъ курдскихъ хановъ, Адаяръ, говорилъ ему: „Русскіе вѣдь сильнѣе васъ, англичанъ, потому что царь можетъ на каждаго изъ вашихъ солдатъ выставить шестерыхъ своихъ.“ — Но какъ будто могущество государства измѣряется одною численностію солдатъ?

головъ на верховьяхъ Мурхаба и потомки солдатъ Тамерлана въ лицѣ теймуровъ, сосѣднихъ Герату. Находятся переселенцы съ запада, какъ хорасанскіе курды, и пришельцы съ востока, какъ узбеки, китайцы. Словомъ, этнографическая рознь тутъ самая совершенная.

Въ одномъ только смыслѣ это разнородное населеніе представляетъ нѣкоторое единство — въ религіозномъ. За весьма немногими исключеніями, исламизмъ царитъ отъ Каспійскаго моря до Сетледжа и отъ Сыръ-дарьи до Индійскаго океана. Даже тѣ мѣстности, которыя еще въ началѣ нашего вѣка были извѣстны за немусульманскія, напр. Кашгирстанъ, нынѣ исповѣдуютъ религію Магомета. Въ Кашмирѣ и Пенджабѣ преобладаетъ мусульманское населеніе, хотя первая изъ этихъ странъ и сосѣдніе ей Дардистанъ и Вангистанъ были нѣкогда средоточіемъ буддизма. Объ огнепоклонникахъ, когда-то столь многочисленныхъ въ восточной части Иранскаго нагорья и даже на верхнемъ Оксѣ, нынѣ почти нѣтъ и помину. Степень одушевленія ученіемъ Магомета у разныхъ народовъ, конечно, не одинакова: одни довольно равнодушны къ догматамъ вѣры, какъ, напр., киргизы, другіе изувѣры, какъ вахабиты долины Свата; но вообще исламизмъ господствуетъ надъ умами. И если магометане мѣстами раздѣлены на двѣ секты, суннитовъ и шитовъ, ненавидящихъ другъ друга, какъ въ XVI вѣкѣ католики ненавидѣли протестантовъ, то все же, для тѣхъ и другихъ, прежде всего каждый немусульманинъ — кяфиръ, т. е. невѣрный, и даже гяуръ, собака или вообще существо презрѣнное, которое не имѣетъ права ни на покровительство, ни на снисхожденіе правовѣрныхъ. Френги, инглизы и урусы, т. е. вообще христіане, столько же ненавистны имъ, какъ и идолопоклонники, браманиты или буддисты, на которыхъ такъ по-мусульмански смотрѣлъ Тамерланъ, когда, незадолго предъ смертію, говорилъ своимъ приближеннымъ: „пойдемъ избить китайскихъ язычниковъ“.

Исламизмъ не разъ объединялъ и въ политическомъ смыслѣ народы передней Азіи. Не говоря уже про первыхъ арабскихъ завоевателей въ VII вѣкѣ и Тамерлана въ XIV, мы должны помнить, что исламизмомъ въ лицѣ Вабэри была основана имперія великихъ моголовъ со столицею въ Дели, имъ же руководились полчища Шахъ-Надира и, наконецъ, его же распространялъ на наше время по Восточному Туркестану Якубъ-бекъ кашгарскій. И если созданіи этихъ мусульманскихъ вождей по большей части

не долговѣчны, то конечно лишь потому, что слить въ одно прочное цѣлое такіе этнографическіе элементы, какъ указанные нами выше, есть дѣло не только трудное, но даже почти невозможное для такой односторонности, какъ та или другая теологическая теорія, особенно если она распространяется не путемъ убѣжденія, а мечемъ и огнемъ. Собственно говоря одна наука, съ ея приложеніями, способна сближать народы столь прочно, что изъ нихъ мало-по-малу образуются „соединенные штаты“, т. е. союзъ государствъ въ той или другой, болѣе или менѣе зрѣлой формѣ; коранъ же, веды, ганьчжуръ и т. п. не имѣютъ этой прочно-объединяющей силы. Ихъ роль — взволновать на время человечество, увлечь часть его, волею или неволею, въ психологическую односторонность, (хотя бы наилучшую для своего времени) и, въ концѣ концовъ, низойдти на степень мизологіи, надъ которой смѣются сами жрецы... Впрочемъ, коранъ весьма еще далекъ отъ такой участи. Напротивъ, его ученіе принадлежитъ еще къ числу преуспѣвающихъ, и именно въ тѣхъ частяхъ Азіи, о которыхъ мы говоримъ. Во имя его тамъ славятся блаженные „Бухара и Мешхедъ“, который „если бы не имѣлъ лазурнаго купола надъ гробомъ имама Ризи, былъ бы помойною ямою всего міра“, какъ говоритъ восточное четверостишіе. Исламизмъ почти стеръ съ лица земли зендавесту, и его же послѣдователей боялся болѣе всего христіане-британцы, покорившіе силою и коварствомъ 200 милліоновъ индусовъ, но откупающіеся золотомъ отъ афганъ, белуджіевъ и даже отъ ничтожныхъ по числу „сватскихъ фанатиковъ“.

Россія мѣстами уже стоитъ въ соприкосновеніи съ мусульманскимъ міромъ верхней Азіи, мѣстами же готовится на сближеніе съ нимъ. Какимъ путемъ совершится это сближеніе, вполнѣ ли мирнымъ или при посредствѣ оружія, мы не станемъ гадать; но во всякомъ случаѣ ясно, что русскія среднеазиатскія владѣнія, въ естественномъ и необходимомъ развитіи ихъ предѣловъ къ юговостоку, не могутъ не достигнуть сѣверныхъ подножій Альбурса и Гиндукуша. Отрицать эту неизбежность могутъ только люди совершенно незнакомые съ природой степей, гдѣ нельзя провести ни какой прочной государственной границы, пока онѣ не пройдены всѣмъ насквозь, до какой либо опредѣленной естественной преграды, которая даетъ возможность основать рядъ поселеній и учредить хорошую сторожевую линію. Въ настоящемъ случаѣ такая прочная въ военно-политическомъ смыслѣ

они имѣютъ своихъ сердарей и иногда даже ведутъ междоусобныя войны, къ большому удовольствію афганъ. Труднодоступность мѣстъ, занятыхъ, кезарейцами, сдѣлала то, что они не были покорены ни Шахомъ-Надиромъ, ни Сефвидами, ни даже Чингисъ-ханомъ и только Тамерланъ успѣлъ подчинить ихъ себѣ. Теперешняя ихъ зависимость отъ афганъ есть чисто номинальная. Вудъ и Борнсъ даютъ списки ихъ родовъ, но мы ихъ опустимъ здѣсь.

Ознакомясь съ горами Гиндукуша, перейдемъ теперь къ населенію сѣверныхъ подножій этого хребта, гдѣ смѣшались коренные арійскіе обитатели тѣхъ мѣстъ, *таджики*, съ пришельцами изъ монгольскихъ степей, *узбеками*. Эти два племени хорошо знакомы намъ теперь, потому что составляютъ оѣдкое население Туркестанскаго края. Взаимныя отношенія ихъ въ мелкихъ владѣніяхъ Майменѣ, Андохѣ, Сирацулѣ и Шибарханѣ тѣ же самыя, что въ Коканѣ, Вухарѣ и Хивѣ, то есть таджики составляютъ промышленную часть населенія, а узбеки правительственную; первые развиты умственно, вторые грубы. Еще недавно, именно въ 1850-хъ годахъ, мелкія землицы, сейчасъ названныя, были въ вассальной зависимости отъ Вухары, и хотя Достъ-Магометъ афганскій стремился къ покоренію ихъ, но встрѣчалъ отпоръ, такъ что въ 1863 году жители Майменѣ хвалились передъ Вамбери, что имъ удалось отразить афганскія полчища. Въ 1873 году афганцы стали тѣснить майменцевъ и др., такъ что у послѣднихъ явилась было мысль обратиться за помощью къ Россіи; но въ это время наша дипломатія сдѣлала уступку англійской, отдавъ на жертву афганцамъ все вообще земли по сѣверному подножію Гиндукуша, въ томъ числѣ и Майменѣ. Однако лишь въ 1875 году эмиръ Ширъ-Али началъ покореніе Майменѣ и вполнѣ ли достигъ цѣли, — намъ неизвѣстно, потому что на новѣйшей картѣ передней Азій Петермана, Майменѣ все еще показанъ независимымъ владѣніемъ, хотя Андохой, Шибарханъ и Сирацулѣ уже введены въ предѣлы Афганистана. Въ свое время, т. е. въ 1875 г., противу захвата Майменѣ афганцами протестовалъ бухарскій эмиръ, считавшій себя сюзереномъ мѣстнаго міра.

Балхъ, мать городовъ по верхнему Оксу, нѣкогда столица Бактрійской монархіи, основанной при распаденіи имперіи Александра, а потомъ долгое время одинъ изъ центровъ господства зердустіевъ (огнепоклонниковъ), былъ прежде заселенъ чистыми

персіянами; но нынѣ онъ лежитъ въ развалинахъ, а на мѣстѣ его вознякъ по близости афганскій городъ Тохтамуръ, гдѣ живетъ губернаторъ всего афганскаго Туркестана. Валхскіе персіане были частію истреблены въ различныхъ войнахъ, частію подвинулись на востокъ и основали Бадакшанъ, въ долинѣ Кички-дары, одного изъ притоковъ Окса. Здѣсь, въ главномъ городѣ Фейзабадѣ, еще въ 1871—74 годахъ держался съ перемѣннымъ успѣхомъ природный властитель страны, Мегандаръ шахъ; но поддерживаемые англійскимъ золотомъ афганцы успѣли выгнать этого злополучнаго шаха, сначала посадивъ на его мѣсто одного его родственника, а потомъ водворивъ въ Фейзабадѣ собственнаго военачальника, Гафазулла, который и управляетъ этою областью, лучшею по природѣ во всей Средней Азій: Бадакшанцы однако же ненавидятъ афганъ, и если бы къ нимъ явилась помощь со стороны, то они не замедлили бы взбунтоваться. Такъ-какъ обильное орошеніе почвы изъ рѣчекъ, стекающихъ съ Гиндукуша, позволяетъ имѣть много пашенъ, то населеніе Бадакшана довольно многочисленно: двѣсти, можетъ быть, триста тысячъ душъ, по большей части шитовъ.

Лейтенантъ Вудъ былъ послѣ Марко Поло первый изъ европейцевъ, который посѣтилъ Бадакшанъ и описалъ эту страну; но его трудъ не былъ достаточно извѣстенъ до послѣднихъ годовъ, когда извѣстный географъ Юль, пользуясь новѣйшими англійскими розыскамія, издалъ его снова, съ дополненіями и разъясненіями. Послѣ него въ страну по верховьямъ Окса проникли съ востока англичане же Биддольфъ, Гордонъ и Троттеръ, и вотъ что мы находимъ въ книгѣ второго, носящей названіе „Прыши міра“ (бамидунія), которое даютъ туземцы Памиру, т. е. высокой странѣ по верхнимъ частямъ Аму-дары и Тарима. Ваханъ, который орошается двумя главными истоками Окса, Саръхидомъ и Панджемъ, имѣетъ населеніе всего въ 3000 душъ, управляемыхъ наследственнымъ миромъ, который выводитъ свой родъ отъ Александра Македонскаго. Эти горы, земледѣльцы и охотники по образу жизни, суть люди смѣшаннаго происхожденія, имѣющіе свое нарѣчіе, но говорящіе и по персидски. Они имѣютъ среди себя много блондиновъ, съ хорошими голубыми глазами и русыми, а не черными волосами. Управляетъ ими болѣе или менѣе патріархально миръ, который въ послѣднее время былъ вынужденъ платить дань бадакшанскимъ афганамъ; и какъ у него и его народа нѣтъ денегъ, то дань платится

съ тѣмъ уничтожаетъ всякое различіе сословій и этимъ самымъ привлекаетъ въ свои нѣдра множество индусовъ-браманитовъ низшихъ кастъ, которымъ при родной вѣрѣ живнѣ не улыбается. Разумѣется, что тѣмъ правовѣрнѣе ученіе вахабитовъ съ мусульманской точки зрѣнія, тѣмъ большую ненависть развиваетъ оно въ своихъ послѣдователей къ гурамамъ, т. е. къ англичанамъ, повелѣвающимъ сорока милліонами остъ-индскихъ магометанъ. А до чего эта ненависть доходитъ, видно изъ того, что ножъ фанатива Ширъ-Али не затруднился поразить вице-короля Индіи, лорда Майо.

Къ опасности отъ пропаганды вахабитизма присоединяется для англичанъ на сѣверо-западѣ Индіи сосѣдство большого независимаго мусульманскаго государства, Афганистана, котораго населеніе очень воинственно и уже дало себя цѣнить англійскимъ войскамъ въ кампанію 1839—40 года, когда англичане были въ Курдъ-Кабульскомъ ущельѣ истреблены поголовно. Непріязнь афганъ къ англійскому народу можно назвать фанатическою, потому что ни одинъ англичанинъ не смѣетъ перейти границу Афганистана безъ опасенія быть непремѣнно убитымъ. Въ 1873 году эту участь испыталъ майоръ Макдональдъ, пробовавшій охотиться въ горахъ, окружающихъ пейшаверскую долину; съ тѣхъ поръ подобныя случаи повторялись не разъ, даже подъ стѣнами самаго Пейшавера. Особенною ненавистью отличаются афганскіе племена: мамунды въ Хайберскомъ ущельѣ, афридіи въ горахъ между Пейшаверомъ и Когатомъ и вазири, живущіе между Дера-Измаилъ-ханомъ и Газною, гдѣ они грабятъ караваны съ англійскими товарами. Тщетны были многолѣтнія усилія остъ-индскаго правительства водворить въ Кабуль, Кандахаръ и пр. собственныхъ агентовъ изъ англичанъ: кабульскіе элтры были непреклонны и, не смотря на субсидію въ 120,000 ф. ст., получаемую отъ Англій, допускали только агента изъ мусульманъ, да и то лишь въ одномъ Кабулѣ, гдѣ эта личность рѣдко имѣла значеніе. Желая измѣнить такой невыгодный порядокъ вещей, нынѣшній вице-король Индіи, лордъ Литтонъ, пытался въ началѣ настоящаго 1877 года вступить въ переговоры съ эмиромъ Ширъ-Али о пересмотрѣ тѣхъ трактатовъ, которые связываютъ Афганистанъ съ Англією; но переговоры эти, начавшіяся въ Пейшаверѣ, не привели ни къ чему. Даже хуже: они успили обоюдное недобріе, и теперь (весною 1877) англо-индійское правительство сосредоточило значительную часть

своихъ войскъ между Пейшаверомъ и Раваль-Пинди, вблизи афганской границы. Съ своей стороны, и Ширъ-Али собралъ нѣсколько десятковъ тысячъ афганскихъ войскъ въ долину Кабуль-дарьи и у Кандахара, вызвавъ при этомъ даже нѣкоторыя части изъ-за Гиндукуша, т. е. изъ Туркестана, гдѣ солдаты нужны для поддержанія покорности въ недавно покоренныхъ туземцахъ. Кромѣ того онъ выпустилъ изъ тюрьмы своего сына, Якубъ-хана, извѣстнаго своимъ нерасположеніемъ къ Англій, и назначилъ его начальникомъ войскъ въ Гератѣ, которому угрожаетъ англійское нашествіе изъ Кветты. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что афганскія войска въ наше время вооружены и обучены на англійскій манеръ и что у Эмира есть въ Кабулѣ оружейный заводъ, приготовляющій скорострѣльные винтовки и нарѣзные орудія. Афганцы, какъ мы сказали, племя воинственное, быть можетъ даже самое воинственное въ Азіи, кромѣ японцевъ; а по численности своей, простирающейся до шести милліоновъ душъ, они способны дать сильный отпоръ англичанамъ въ случаѣ вторженія послѣднихъ въ ихъ гористую страну. Эмиръ Ширъ-Али, долго благоволившій къ Англій за субсидію, которая давала ему средства одолжать внутреннихъ враговъ, нынѣ, съ приостановкой уплаты этой субсидіи, не можетъ не возненавидѣть англичанъ, тѣмъ болѣе, что до него, конечно, дошли слухи о частыхъ перемѣнахъ на стамбульскомъ престолѣ, въ которыхъ принимали такое дѣятельное участіе британскіе уполномоченные. О сердаряхъ, т. е. о предводителяхъ отдѣльныхъ племенъ (гилдзай, барекзай, машунды и пр. и пр.) афганскаго народа, — который ведетъ то кочевую, то осѣдную и полuosѣдную жизнь, но имѣетъ вообще феодальный общественный строй, — нечего и говорить: они ненавидятъ англичанъ уже потому, что многолѣтняя поддержка послѣдними центрального правительства въ Кабулѣ лишила ихъ, сердарей, значительной доли самостоятельности. Многие изъ англичанъ, напр. Бекеръ, высказываютъ увѣренность, что не будетъ ничего легче, какъ покорить весь Афганистанъ въ одинъ походъ съ береговъ Инда; но если бы это и случилось на короткое время, то вѣроятно имѣло бы слѣдствіемъ нѣтолько повтореніе потомъ событій 1840 года, но и начало паденія англійской власти въ самой Индіи. Остъ-индскіе мусульмане, нынѣ дезорганизованные въ правительственнымъ смѣслѣ, ждутъ только случая сгруппироваться около одного мусульманскаго центра, а такимъ непремѣнно явится кабульское правительство, какъ

потому что боялся собственных пушекъ, да и вообще не охотники до военной службы. Якубъ-бекъ по этому и принимаетъ съ охотою въ ряды своей арміи разныхъ инородцевъ: индусовъ, афганъ, китайцевъ, дунганъ, даже калмыковъ; они легче свыкаются съ требованиями военного быта, чѣмъ собственно мало-бухарскія его подданные. Да еще лужно замѣтить, что нѣтъ народа въ Авіи болѣе безпокойнаго въ политическомъ смыслѣ, какъ обитатели Джитышара; это свидѣлствуютъ и китайскіе писатели, и сама исторія Восточнаго Туркестана. И не только во сто лѣтъ владычества китайцевъ въ Камгаръ было тамъ семь возмущеній; но даже теперь, когда страна управляется мусульманскимъ деспотомъ, мало-бухарское населеніе роищеть и иногда даже волнуется, какъ было напр. въ Яркентѣ по поводу уменьшенія цѣнности монеты. Поэтому въ нашемъ политико-этнографическомъ очеркѣ мы можемъ обращать на населеніе Восточнаго Туркестана не болѣе вниманія, чѣмъ на населеніе Хивы, хотя конечно, находясь подъ властію Якубъ-бека, возбуждаемаго противу Россіи изъ Калькуты и Стамбула, оно можетъ причинить намъ въ Туркестанѣ не мало хлопотъ своимъ вліяніемъ на мусульманъ, недавнихъ русскихъ подданныхъ, не совсѣмъ еще привыкшихъ къ ташкентскимъ порядкамъ, смѣшаннымъ коканскимъ.

Къ югу отъ Джитышара начинается горная страна Куенъ-Луна и Гималаи, сначала совершенно пустынная, потомъ населенная *тибетцами* (балти), *дардами*, *кашмирцами* и др. Всѣ эти народы вовсе не тяготеютъ на сѣверъ, и если находятся подъ чьимъ вліяніемъ, то англо-индійскаго правительства, ищущаго водворить среди ихъ британскую торговлю, а за нею и политическую власть, да отчасти тибетской духовной іерархіи, которая начальствуетъ надъ ламами въ Балтистанѣ и Ладакѣ. Наиболѣе обстоятельныя свѣдѣнія о населеніи этой западно-гималайской горной страны мы находимъ у Дрю, который составилъ даже этнографическую карту владѣній городовъ кашмирскаго, включивъ въ нихъ не только весь Ладакъ, но и часть Дардистана. Коннигъ, Лейтнеръ и Гейвардъ познакомили насъ съ народомъ, который живетъ въ мѣстѣ наибольшаго сближенія Инды съ Аму-дарьею. Виддольфъ пытался пройти въ земли этого народа съ сѣвера, черезъ Даркитскій проходъ, но это ему не удалось, какъ и вообще кому-либо изъ европейцевъ. Изъ показаній Лейтнера, Гейварда и Дрю мы однако знаемъ, что *дарды* — племя арійское, женщины котораго отличаются такою близкою

кожи, что кашмирцы (индусы) дѣлаютъ вторженія въ Дардистанъ, для похищенія себѣ жонъ. Съ другой стороны нѣкоторые изъ дардовъ, напр. ханзайцы и канжутцы, сами захватываютъ и продаютъ въ неволю людей. У Гордона мы встрѣчаемъ разсказъ одного кашмирца, который былъ проданъ канжутцами то-дунгбашскимъ киргизамъ, отъ которыхъ поступилъ въ объѣздъ на верблюда, къ алайскимъ и т. д. Труднодоступность Дардистана дѣлаетъ такіе подвиги жестокости безнаказанными, и нѣкоторые слабые сосѣди канжутцевъ должны бывають входить въ сдѣлки съ разбойниками, чтобы избѣгать ихъ насилій. Такъ, миръ ваханскій избавилъ отъ нихъ своей малочисленной народъ тѣмъ, что отдалъ одну изъ своихъ дочерей за сына канжутскаго правителя. Сосѣди дардовъ съ запада суть *читральцы*, также арійское племя, которое находится въ близкомъ родствѣ съ такъ-называемыми *сабирь-китчушами* той же долины Кунара, гдѣ находится и Четрамъ. Эти послѣдніе „невѣрные чернотолушники“ составляютъ грозу афганъ, бадакшанцевъ и другихъ сосѣднихъ народовъ, будучи сами внѣ опасности возмездія, потому что живутъ въ самыхъ труднодоступныхъ ущельяхъ Гиндукуша. Они впрочемъ немногочисленны.

Къ югу отъ дардовъ и читральцевъ и къ сѣверу отъ Пейшавера держатся съ одной стороны афганы рода Юсуфзай, а съ другой, выходяцы изъ Пенджаба и другихъ сосѣднихъ мусульманскихъ странъ, принявъ ученіе вахабитовъ и называемые обыкновенно „сватскими фанатиками“, потому что большинство ихъ живетъ по рѣкѣ Свату. Они управляются ахуномъ, т. е. духовнымъ лицомъ архіерейскаго сана, и внушаютъ большія опасенія англичанамъ, которые понимаютъ, что даже небольшая теократически мусульманская, независимая община у границъ Индіи составляетъ очагъ, отъ котораго легко можетъ возникнуть пожаръ во всемъ Индостанѣ. Англійскія войска не разъ ходили противу сватцевъ, но безуспѣшно. Въ 1874 году пенджабскій губернаторъ нашелъ полезнымъ соблазнить ихъ золотомъ; но въ слѣдующемъ году они предпочли не связывать себя мирными обѣщаніями, а посланное золото просто разграбили. Опасность отъ сватцевъ продолжаетъ существовать постоянно, ибо ахунъ ихъ высоко чтимъ всѣми мусульманами не только Пенджаба, но и Бенгаліи, гдѣ еще основатель ость-индскаго вахабизма, Сендъ-Ахмедъ, имѣлъ многочисленныхъ послѣдователей. Вахабизмъ, проповѣдуя строго-религіозную и добродѣтельную жизнь, вмѣстѣ

лошадьми и другимъ скотомъ. Миръ этотъ, во время возвышенія Якубъ-бека кашгарскаго, былъ его союзникомъ, тогда какъ, напротивъ, повелитель подобнаго же соебднаго владѣннца, Сирикола, Алифъ-бекъ, оказался непочителемъ въ бадаулету и потому лишился своего мрства. Ваханцы, какъ и сирикольцы, не сомнѣваются, что ихъ предки были сородомъ изъ разныхъ частей Верхней и Средней Азій, и говорятъ только, что прежде они были многочисленнѣе, теперъ же часть ихъ переселилась въ востокъ, въ бассейнъ Яркентъ-дарьи, гдѣ и дѣйствительно ихъ видѣлъ Шау.

Къ сѣверу отъ Вахана, по Памирскому нагорью, живутъ съ одной стороны киргизы, а съ другой арійскіе обитатели Шигнана, Дарваза и Каратегина, которыхъ у насъ иногда называютъ горными таджиками или *гамъчами*, соплеменниками горцевъ, населяющихъ долину верхняго Зерафшана. Сколько ихъ, мы не знаемъ; но судя по показаніямъ англійскихъ путешественниковъ и ихъ развѣдывателей изъ туземцевъ, должно думать, что ихъ немного. Абрамовъ полагалъ населеніе Каратегина въ 100,000 душъ. Предположимъ, что всѣхъ ихъ (въ томъ числѣ и въ бывшихъ независимыхъ бекствахъ Кштутъ, Матчъ, Фальгаръ) до 200,000 (населенія арійскаго); все же это населеніе не составляетъ никакого государственнаго цѣлага и, стало быть, политически ничтожно. Поэтому въ политико-этнографическомъ обзорѣ Верхней Азій довольно о немъ упомянуть въ двухъ словахъ. При этомъ замѣтимъ, что изъ шести бывшихъ мрствъ, о которыхъ первыя свѣдѣнія привезъ Борнсъ, нынѣ остались независимыми только два: Дарвазъ и Шигнанъ; Вахаль же, какъ мы видѣли, платитъ дань афганцамъ, Кулябъ покоренъ Бухарою, Сириколь-кашгарцами, а Каратегинъ находится уже подъ нашимъ вліяніемъ, хотя и въ номинальной зависимости отъ Бухары.

Дикокаменные *киргизы*, которыя съ Тянь-шаня распространяются на Памиръ, занимаютъ и часть сѣверныхъ скатовъ того горнаго вряжа, который обыкновенно называется Куень-Дунемъ и ограничиваетъ бассейнъ Тарима съ юга. Нетолько на Тагдунъ-башѣ, въ соедствѣ Сирикола, но и около Хотана еще встрѣчаются ихъ кочевки. За то къ востоку отъ послѣдняго города и Керъя, въ тѣхъ неизвѣданныхъ странахъ, которыя нынѣ долженъ посѣтить г. Пржевальскій, превращается уже киргизское населеніе и встрѣчаются рѣдкіе и дикіе *дуланы*, а потомъ *далды*, о которыхъ рассказываютъ, что они живутъ по пещерамъ. Когда эти

странные народцы будутъ нѣсколько узнаны, тогда, быть можетъ, передъ нами предстанетъ звено, связующее арійскія народы съ тибетцами и китайцами, изъ которыхъ послѣдніе и донынѣ сохраняютъ преданіе о своемъ происхожденіи съ запада, изъ нагорной Азій. Замѣтимъ, что имя *дайдовъ* очень напоминаетъ дардовъ изъ окрестностей Гилгита, на сѣверо-западѣ отъ Инда.

Даиды, впрочемъ, уже выходятъ изъ той этнографической сферы, которую мы предположили здѣсь очертить. Гораздо важнѣе, говоря о народахъ, обитающихъ между Россією и Индією, обратить вниманіе на *мало-бухарцевъ* и вообще на обитателей Восточнаго Туркестана, нынѣ составляющихъ довольно большое мусульманское государство. Въ арійскомъ происхожденіи мало-бухарцевъ нынѣ не сомнѣвается никто; но Форсайдъ, Велью и др. справедливо называютъ ихъ отатарившимися, т. е. принявшими языкъ и многіе обычаи монголо-тюркскихъ народовъ, какъ это и естественно, ибо они окружены подобными народами, да кромѣ того находились не разъ подъ властію монголовъ, джунгаровъ, уйгуровъ и Китая, изъ которыхъ послѣдній дѣлалъ систематическія перемѣщенія мало-бухарцевъ, калмыковъ и пр. однихъ на мѣсто другихъ. Киргизы и калмыки, наконецъ, окружаютъ страну съ сѣвера, запада и юга. Долгое время европейцы не имѣли правильнаго понятія о числѣ мало-бухарцевъ; иногда опредѣляли это число въ 5 и даже въ 30 милліоновъ душъ, при чемъ въ подтвержденіе этихъ цифръ приводили извѣстія о числѣ домовъ въ большихъ городахъ, Кашгарѣ, Яркентѣ, Асуду и др. Валиханову первому удалось уничтожить этотъ предрасудокъ, такъ-какъ онъ насчиталъ въ шести округахъ: Асудскомъ, Кашгарскомъ, Ушъ-Турпанскомъ, Хотанскомъ, Яркентскомъ и Янгиссарскомъ, всего 580,000 душъ. Эту же цифру признаетъ и Форсайдъ, посѣтившій Восточный Туркестанъ въ 1873—74 годахъ и имѣвшій болѣе чѣмъ кто-либо изъ европейцевъ случай узнать истину; ee потому помѣстилъ я въ моемъ „Опытѣ военнаго обозрѣнія русскихъ окраинъ въ Азій“. Итакъ, знаменитая „большая мусульманская держава“ Якубъ-бека есть, въ сущности, провинція съ населеніемъ меньше любой изъ нашихъ среднерусскихъ губерній. Мало того; по свидѣтельству самихъ англичанъ, которые хотѣли бы изъ Джитышара сдѣлать пугало для Россіи, мало-бухарцы вовсе не воинственны; они, какъ утверждаетъ Гордонъ, не любятъ быть артиллеристами,

только ему удастся нанести англичанам серьезное поражение за Индомъ. Съ точки зрѣнія русскихъ интересовъ въ Средней Азій ничто бы не было такъ желательно, какъ попытка англичанъ завоевать Афганистанъ: это положило бы начало распаденію притязательной англо-индійской имперіи и развязало бы намъ руки отъ невыгодныхъ обязательствъ, принятыхъ въ 1873 году передъ Англіею по отношенію къ Бадахшану, Маймену и другимъ мѣстностямъ по сѣверной части Гиндукуша, безъ владѣнія которыми мы не можемъ спокойно управлять Туркестаномъ. О всемірныхъ политическихъ послѣдствіяхъ паденія англійской власти въ Индіи мы и не говоримъ: на одномъ Средиземномъ морѣ исчезли бы вопросы о Гибралтарѣ, Мальтѣ, Кандіи, объ англійскомъ протекторатѣ въ Египтѣ и на Суэзскомъ каналѣ, о сирійско-ефратской дорогѣ и пр. Пали бы и притязанія Англій на господство надъ юго-западною Аравіею, надъ устьями Шатъ-эль-Араба, надъ боланскимъ проходомъ; окончились бы британскія интриги на персидско-турецкой и персидско-туркменской границахъ; перестали бы англійскіе агенты проникать въ Среднюю Азію для возбужденія ея туземцевъ противъ Россіи. Оправились бы Вирма, Нипаль, Камемиръ... Вотъ почему афганскій народъ можетъ считаться имѣющимъ очень важное историческое призваніе, хотя вѣроятно роль его будетъ кратковременна. Вотъ почему мы должны желать развитія и поддержанія дружескихъ отношеній къ Афганистану.

За афганами къ югу живутъ *белуджи*, народъ, котораго происхожденіе и мѣсто на этнографической лѣстницѣ недовольно опредѣлены, но который имѣетъ немаловажное значеніе, благодаря тому, что обитаетъ въ странѣ, представляющей болѣе или менѣе открытыя ворота въ Индію. Наше общество въ послѣдніе годы хорошо ознакомилось съ вопросомъ о боланскомъ проходѣ; оно знаетъ также, что въ настоящемъ 1877 году состоялось занятіе англійскими войсками Келата и Кветты, двухъ важнѣйшихъ мѣстностей на пути отъ Герата къ Индіи; но далеко не всѣмъ извѣстно, что Белуджистанъ населенъ не однимъ народомъ, что кромѣ белуджійцевъ и *итомовъ*, индо-германскаго корня, тутъ есть *брахми*, которыхъ Хьюбъ и др. ученые сближаютъ съ сѣвероиндскими дравидасами или вообще съ туркменскими племенами. Кромѣ того есть немало и другихъ инородцевъ: индусовъ, арабовъ, персіанъ, парсовъ и др. Масса населенія кочевая, но есть немало и городовъ, особенно въ низмѣ Качъ-Гандава. Номады,

разумѣется, склонны къ хищничествамъ и междоусобіямъ, и потому съ одной стороны возбуждаютъ жалобы купцовъ, ведущихъ караванную торговлю, а съ другой мѣшаютъ образованію государства хотя бы даже такого устройства, какъ Афганистанъ. Келатскій ханъ, номинальный сюзеренъ белуджійскихъ сердарей, почти не имѣетъ на нихъ вліянія, такъ что англо-индійское правительство даетъ ему субсидію въ 10 т. ф. ст., чтобы поставить выше другихъ мѣстныхъ правителей и сдѣлать отвѣтственнымъ лицомъ за весь Белуджистанъ. О Россіи обитатели Белуджистана имѣютъ самыя слабыя понятія, составляемая частію изъ разсказовъ караванъ-башей, приходящихъ изъ Герата и Персіи, частію изъ тенденціозныхъ слуховъ, пускаемыхъ англійскими агентами.

Вотъ мы и у конца того бѣлаго очерка, который предложили себѣ сдѣлать, чтобы представить читателямъ общую политико-этнографическую картину мѣстностей, лежащихъ между Россіею и Индіею. При разсмотрѣніи этой картины насъ, русскихъ, могутъ занимать два вопроса: во-первыхъ о томъ, какія племена будутъ жить вдоль той границы, которую указала намъ природа въ Туркестанѣ? и во-вторыхъ, какія отношенія могутъ установиться между Россіею и тѣми государствами и народами, которымъ естественнѣе всего оставаться въ прямой власти Россіи и Англіи? На первый вопросъ проще всего отвѣчать указаніемъ на орографическую карту Турана и его окраинъ; она убѣдитъ насъ, что физическая географія, согласно съ этнографіею, прямо указываетъ, что Россія должна подчинить себѣ всѣхъ туркменъ, узбековъ и таджиковъ, живущихъ въ арало-каспійской низменности, и что затѣмъ сосѣдями ея могутъ быть персіане, курды, джемшиды фирузкухи, монголы, хуарейцы, афганы и читральцы, изъ которыхъ большинство суть мелкіе горные народцы, а два главные народа, персіане и афганы, всегда могутъ и должны быть сдѣланы „младшими братьями“ Россіи, дружба съ которою прямо требуется ихъ собственными интересами и вліяніе которой естественно будетъ направлено къ поддержанію каждымъ изъ нихъ національной самостоятельности. На второй вопросъ, кажется, ничего болѣе нельзя сказать, что афгане, персіане и белуджи останутся надолго промежуточными между русскими владѣніями въ Туранѣ и англійскими въ Индіи. Даже болѣе, ежели бы англо-индійская имперія, эфемерная въ своихъ основахъ, — ибо не могутъ же 70,000 англичанъ, да еще

пережѣннаго состава, вѣчно оставаться повелителями страны съ населеніемъ въ 240 милліоновъ, — наконецъ пала, то нѣтъ для Россіи никакого интереса нарушать цѣлость и независимость двухъ средней величины государствъ, которыя будутъ прилежать къ ней съ юга. Всякія завоеванія въ этомъ направленіи внесли бы новую этнографическую рознь въ населеніи, подвластномъ русскому скипетру, а чего стоитъ стираніе подобной розни, мы знаемъ по примѣру Кавказа и Туркестана. Этотъ же принципъ долженъ быть примѣненъ и на нашихъ рубежахъ съ Джитышаромъ, гдѣ впрочемъ для насъ всего лучше имѣть сосѣдями китайцевъ, которые могли бы удерживать въ покоѣ мѣстное мусульманское населеніе, не имѣя возможности стать слишкомъ могущественными и слѣдовательно опасными для Россіи.

Май, 1877.

---

Отдѣльно отпечатано изъ «Сборника Государственныхъ Знаній». Т. V.  
Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 23 Марта 1878 года.

---

въ типографіи В. БЕЗОБРАЗОВА и КОМЪ. (в. о., 8 л., д. № 45).